

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176>

Научная статья / Research article

Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг.

Искандэр Эдуардович Магадеев

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Москва, Россия

✉ iskander2017@yandex.ru

Аннотация: Выясняется место, которое Прибалтийские республики занимали в рамках французских и советских представлений о «санитарном кордоне»; анализируется соотношение между амбициями Парижа и Москвы на Востоке Европы и возможностями для их реализации; определяется характер восприятия контактов Франции и стран Балтии со стороны советской дипломатии. Основой исследования выступили материалы ряда французских архивов, а также опубликованные тома французских и советских дипломатических документов. Автор приходит к выводу, что роль стран Балтии в советско-французском взаимодействии оставалась противоречивой. Прибалтийские республики (прежде всего – Латвия и Эстония) рассматривались французским руководством как составная часть «санитарного кордона», призванного отделить Германию и Советскую Россию друг от друга, не допустив их «сговора» в Восточной Европе. Москва, напротив, стремилась к ослаблению «санитарного кордона» и превращения Восточной Европы в «мост» для взаимодействия с Берлином. Париж не исключал того, что сотрудничество с будущей Россией, выступающей противовесом Германии, будет для Франции важнее, чем независимость стран Балтии. Эта точка зрения соответствовала позиции Кремля и НКВД, которые стремились поддержать тех деятелей Третьей Республики, которые развивали указанный подход. Динамика развития послевоенных международных отношений, а также приоритет «германской угрозы» склонили в итоге руководство Франции к признанию СССР, что отвечало интересам Москвы. Соображения «большой политики» оказались важнее голоса «малых стран», хотя те и пытались влиять на взаимодействие более могущественных держав.

Ключевые слова: Советская Россия, международные отношения, советская внешняя политика, западное приграничье

Для цитирования: Магадеев И.Э. Роль стран Балтии в советско-французских отношениях периода непризнания, 1919–1924 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 2. С. 161–176. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176>

Role of the Baltic Republics in Soviet-French relations during the Non-recognition Period, 1919–1924

Iskander E. Magadeev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

✉ iskander2017@yandex.ru

Abstract: This article aims to define the role played by the Baltic Republics in the Soviet-French relations during the non-recognition period. The author tries to determine the place, which the Baltic Republics occupied in the French and Soviet conceptions of the “sanitary cordon,” to analyse the correlation between the ambitions and the capabilities of Paris and Moscow in Eastern Europe,

to demonstrate the Soviet response to the interaction between the Baltic Republics and France. The article is based on the materials taken from the different French archives, as well as from the published French and Soviet diplomatic documents. The author emphasizes the ambiguity of the role played by the “Baltic factor” in the Soviet-French relations. The Baltic Republics (especially, Latvia and Estonia) were perceived by the French leadership as a part of the “sanitary cordon” aimed to separate Germany and the Soviet Russia from each other and to preclude their eventual “collusion” in the Eastern Europe. On the contrary, Moscow aimed to weaken the “sanitary cordon.” Paris didn’t exclude that the cooperation with future Russia performing the role of the counterbalance to Germany would be more important for France than full independence of the Baltic Republics. The Kremlin and the People’s Commissariat for Foreign Affairs welcomed this point of view and tried to support those French political leaders that developed such an approach. The dynamics of the post-war international relations, as well as the priority given by the French government to the “German threat”, prompted Paris to recognize the USSR, which met the interests of Moscow. The considerations of the “big politics” were more important than the voices of the “small countries” which tried to influence the interaction between the more powerful actors.

Keywords: Soviet Russia, international relations, Soviet foreign policy, western border area

For citation: Magadeev, I.E. “Role of the Baltic Republics in Soviet-French relations during the Non-recognition Period, 1919–1924.” *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 2 (May 2022): 161–176. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-161-176>

Введение

В начале 1920-х гг. Франция, являвшаяся вместе с Великобританией ключевой державой Версальского порядка международных отношений, оказывала немаловажное влияние на судьбы стран Балтии. Советское политическое и военное руководство даже было склонно считать подобное влияние определяющим, рассматривая Лондон и Париж как ключевые силы, поддерживавшие «санитарный кордон» против СССР. В сентябре 1920 г., выступая на IX конференции РКП(б), председатель СНК В.И. Ленин подчеркивал:

Нет сомнения, что тот меньшевистско-демократический капитализм, который держится еще в пограничных с Россией государствах, образованных из прежнего состава бывшей Российской империи, начиная с Эстонии, Грузии и т. д., он держится при помощи того, что доставляет Антанга¹.

В октябре 1922 г. во внутрипартийной переписке член ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна К.Б. Радек занял схожую позицию. Он подчеркнул значение военно-технической поддержки, которую странам «санитарного кордона» оказывали Франция и Великобритания².

Цель данной статьи – определить роль, которую страны Балтии играли в советско-французском взаимодействии в условиях отсутствия официальных дипломатических отношений между Москвой и Парижем. Статья охватывает период от начала Парижской мирной конференции в январе 1919 г. и до взаимного признания СССР и Франции в октябре 1924 г. Автор стремится выявить место, которое Прибалтийские республики занимали в рамках французских и советских представлений о «санитарном кордоне»; проанализировать соотношение между амбициями Парижа и Москвы на Востоке Европы и возможностями для их реализации; определить характер восприятия контактов Франции и стран Балтии со стороны советской дипломатии. Основой для достижения указанной цели выступили материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции (Archives du Ministère des Affaires étrangères), документы Исторической службы Министерства вооруженных сил Франции (Service historique de la défense), Российского государственного архива

¹ Из доклада Ленина «Политический отчет ЦК РКП(б)», 22 сентября 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 60.

² Радек – Троцкому, Чичерину, 17 октября 1922 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 326. Оп. 2. Д. 1. Л. 103.

социально-политической истории, опубликованные тома французских и советских дипломатических документов, материалы по деятельности РКП(б) и советских военных органов. Также привлечены документы, характеризующие контакты представителей Третьей Республики и деятелей «белой» эмиграции.

Вопросы о французской политике в Прибалтике, а также о взаимоотношениях Москвы и государств-лимитрофов в 1920-е гг. относительно неплохо разработаны в новейшей отечественной и зарубежной историографии³. Вместе с тем исследователи, как правило, сосредотачивались на двустороннем формате анализа (Франция – страны Балтии; Москва – лимитрофы), в то время как попытки выйти за подобные аналитические рамки и рассмотреть взаимосвязи в рамках международных «треугольников» предпринимались реже⁴.

Анализ «треугольника» «Франция – страны Балтии – Советская Россия (СССР)», предпринятый в данной статье, представляет интерес в нескольких отношениях. Во-первых, он позволяет рассмотреть дилеммы взаимодействия между Прибалтийскими республиками и одной из наиболее могущественных на тот период западноевропейских держав в свете влияния советского фактора. Если по одним аспектам «русского вопроса» Париж, разделявший опасения в отношении «большевистской угрозы», выступал «спонсором» стран Балтии, то по другим его аспектам позиции Франции и Прибалтийских государств отнюдь не совпадали. Даже в период выраженной напряженности в советско-французских отношениях в руководстве Третьей Республики были слышны голоса тех, кто призывал не забывать о потенциальной роли России как противовеса Германии на Востоке Европы⁵. В Москве знали о наличии подобных настроений во Франции и стремились использовать их для улучшения дипломатических позиций страны Советов.

Во-вторых, рассмотрение указанного «треугольника» государств позволяет поставить вопрос о способах воздействия «малых стран» на взаимодействие более могущественных акторов мировой политики. Нормализация советско-французских отношений не отвечала интересам руководителей Эстонии и Латвии, стремившихся к закреплению резко негативного образа большевиков и Советской России среди французских элит. Напротив, Литва, имевшая серьезные противоречия с Польшей и не исключавшая сближения с СССР и Германией на антипольской основе, была заинтересована в том, чтобы отношения Москвы и Парижа нормализовались. Изучение подобных дипломатических перипетий позволит продемонстрировать, как государства Балтии пытались влиять на международные отношения, даже несмотря на свой статус «малых стран».

В-третьих, анализ истории 1920-х гг. дает определенный материал для сравнения тогдашней ситуации в мировой политике с современностью. Согласно одной из оценок, вдоль бывших западных границ СССР после 1991 г. наблюдалось «возвращение к эпохе после 1918 г.»⁶.

³ *Gueslin J.* La France et les «petits États» baltes: réalités baltes, perceptions françaises et ordre européen (1920–1932). Thèse de doctorat. Université de Paris I, 2004; *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 гг. 2-е изд. М., 2014; *Дюллен С.* Уплотнение границ: к истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. *Бодров А.В.* Прибалтийский фланг «санитарного кордона» // *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.* СПб., 2021. Т. 2. С. 206–288.

⁴ В качестве примеров подобного подхода см.: *Dessberg F.* Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles, 2009; *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016.

⁵ *Hogenhuis-Seliverstoff A.* La trace ténue d'une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922 // *Guerres mondiales et conflits contemporaines.* 1999. № 193. P. 117–130.

⁶ *Reynolds D.* The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century. New York, 2014. P. 383.

Сила и слабость французских и советских позиций на Балтике

Для понимания французских и советских представлений о странах Балтии и их роли в отношениях Парижа и Москвы охарактеризуем инструменты военно-политического влияния двух стран в регионе. Если говорить о Третьей Республике, то основными из них было присутствие французского ВМФ, а также поставки вооружений для новообразованных государств⁷. Флот к тому же был инструментом быстрого реагирования на кризисные ситуации и способом продемонстрировать флаг.

При этом реальное французское военное и торгово-экономическое присутствие на Балтике было небольшим и имело тенденцию к сокращению в пользу «союзников» Третьей Республики (Великобритания), а также оппонентов (Германия, СССР). Судьба балтийской морской дивизии ВМФ Франции, образованной в апреле 1919 г., была показательной. Сам факт ее формирования отражал заинтересованность Парижа в событиях в регионе, однако ее силы были относительно скромными: 6 эсминцев, 4 авизо (класс небольших боевых кораблей) и ряд более мелких судов. К концу 1920 г. дивизию сократили до трех авизо, а после весны 1923 г. французское военно-морское присутствие на Балтике «практически сходит на нет»⁸. К маю 1924 г. командование французского ВМФ, ссылаясь на возросшую силу РККФ, призывало власти Третьей Республики вовсе отказаться от использования военно-морских сил на Балтике в случае войны Польши против Германии и СССР. Французские флотоводцы считали риски, связанные с операциями на Балтике, слишком высокими⁹.

Ощущение собственной слабости было усилено в оценках командования французского ВМФ тем обстоятельством, что «доступ в Балтику было слишком легко перекрыть даже скромным германским силам»¹⁰. Схожий тезис был применим и к РККФ, причем подобные опасения не были беспочвенны. В подробной разработке «Будущая война» (1928), подготовленной IV (разведывательным) управлением Штаба РККА, особое внимание обращалось на то, что действия советских подлодок в узких Балтийских (Датских) проливах могут существенно осложнить «подвоз необходимого снабжения из Западной Европы» для стран-лимитрофов. От подобного снабжения при этом зависел «общий характер», «да и сама возможность» войны «наших соседей против СССР»¹¹.

Советское руководство рассматривало страны Балтии, включая Литву, как потенциальных противников в случае агрессии против СССР. В июне 1926 г. начальник Штаба РККА М.Н. Тухачевский считал, что «наиболее опасными, наиболее решительно угрожающими Советской власти государствами приходится считать все государства, расположенные на нашей западной границе». Согласно расчетам Тухачевского лимитрофы в совокупности смогут мобилизовать в случае начала войны 113 дивизий – это число должно было послужить минимальным ориентиром для численности РККА. Из 113 дивизий по четыре приходилось на Эстонию и Литву каждую, пять дивизий – на Латвию¹².

Если советские военные подчас завышали совокупные силы предполагаемого «фронта» лимитрофов во главе с Польшей и Румынией, то боеспособность стран

⁷ *Stoker D.* Britain, France and the Naval Arms Trade in the Baltic, 1919–1939. London, 2003.

⁸ *Lasterle Ph.* La rue Royale et la Baltique orientale: l'exemple des pays baltes (1919–1924) // *Bâtir une nouvelle sécurité. La coopération militaire entre la France et les États d'Europe centrale et orientale de 1919 à 1929.* Vincennes, 2001. P. 307–308.

⁹ *Dessberg F.* Le triangle impossible. P. 48.

¹⁰ *Бодров А.В.* Прибалтийский фланг «санитарного кордона». С. 255.

¹¹ *Тухачевский М.Н.* и др. Будущая война // *Антология отечественной военной мысли.* Кн. 11. М., 1996. С. 509.

¹² Тухачевский – Ворошилову, 5 июня 1926 г. // *Реформа в Красной Армии.* Кн. 1. М.; СПб., 2006. С. 592.

Балтии оценивалась ими все же не очень высоко. Согласно оценке Разведупра Штаба РККА, они являлись «государствами с небольшой глубиной театра военных действий» и имели невысокую численность вооруженных сил. В связи с этим армии Прибалтийских стран в случае войны «могут быть совершенно ликвидированы в несколько недель»¹³. Даже в условиях общей слабости РККФ его позиции на Балтике оценивались советскими флотоводцами как внушительные. В феврале 1921 г. командующий Морскими и речными силами Республики, бывший контр-адмирал Российского императорского флота А.В. Немитц подчеркивал выгодность текущей ситуации в Балтийском море, возникшей ввиду ослабления германского флота. С его точки зрения, даже объединенные военно-морские силы Швеции, Дании, Финляндии и стран Балтии будут слабее РККФ, располагавшего линкорами типа «Севастополь», которые были введены в строй в конце 1914 г. (хотя их реальное состояние в начале 1920-х гг. оставляло подчас желать лучшего)¹⁴.

Тенденции на ослабление французского влияния на Балтике касались не только военной, но и торгово-экономической сферы:

Уже в 1922 г. доля германских товаров в импорте Эстонии и Латвии составила 55 % и 43 % соответственно, в 1923 г. – 51 % и 45 %...¹⁵

Учитывая тогдашнее состояние советской экономики, экспорт из РСФСР был несравнимо меньше, однако и здесь французские эксперты понимали, куда развивается ситуация. В июне 1921 г., анализируя советскую внешнеторговую активность в Эстонии, торговый атташе по России и странам-лимитрофам Ф. де Шевийи констатировал сокращение объемов экспорта из РСФСР. Вместе с тем он не считал, что подобная ситуация останется неизменной:

Эстония, если рассматривать ее как приходящую России, в настоящий момент не представляет крупного интереса, но будет представлять его в будущем¹⁶.

Даже в нестабильных для внешней торговли условиях начала 1920-х гг. страны Балтии были для Советской России важным «окном» в Европу. Так, в мае – декабре 1920 г. 76 % от всего объема советского импорта поступало через порты Эстонии¹⁷. Примечательной была и непропорционально высокая доля Латвии в советской внешней торговле. Так, в 1925/6 г. на нее приходилось 10,8 % экспорта СССР. Это обстоятельство объяснялось прежде всего ролью страны в качестве «перевалочного пункта» для советских товаров (в том числе льна), следовавших не столько в саму Латвию, сколько далее на Запад¹⁸.

Страны Балтии и стратегия «санитарного кордона»

Как правило, страны Балтии рассматривались французскими дипломатами и военными в 1919–1924 гг. в рамках более общих представлений о выстраивании такой дипломатической конструкции на Востоке Европы, которая отвечала интере-

¹³ Тухачевский М.Н. и др. Будущая война. С. 113.

¹⁴ Åselius G. The Naval Theatres in Soviet Grand Strategy during the Interwar Period // The Journal of Slavic Military Studies. 2000. Vol. 13. № 1. P. 75.

¹⁵ Бодров А.В. Прибалтийский фланг «санитарного кордона». С. 284.

¹⁶ Note de Chevilly, 14 juin 1921 // Documents diplomatiques français (DDF). 1921. Vol. 1. Bruxelles, 2004. P. 754.

¹⁷ White Ch.A. British and American Commercial Relations with Soviet Russia, 1918–1924. Chapel Hill, 1992. P. 198.

¹⁸ Jeannesson S. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921–1928) // Histoire, économie et société. 2000. Vol. 19. № 3. P. 428.

сам Парижа. Наступательные мотивы сочетались при этом с оборонительными. МИД Третьей Республики (Кэ д'Орсэ) и Военное министерство стремились к тому, чтобы консолидировать связи между самими молодыми Прибалтийскими республиками, а также включить их в более широкую систему «санитарного кордона», не допустив поглощения этих стран Германией и Советской Россией. «Санитарный кордон» был призван не только не допустить распространения большевизма на Запад, но и отделить Советскую Россию и Германию друг от друга, купировав их «сговор». Сценарий подобного «сговора» рассматривался как один из худших для Парижа вариантов развития ситуации в Европе. Вместе с тем уверенности в стабильности международного положения государств Балтии у французских властей не было. Это усиливало элементы ностальгии по прошлой конфигурации баланса сил в Европе (Россия как восточный противовес Германии) и надежды на ее возрождение (в той или иной форме) в будущем.

Двойственность во французских оценках применительно к странам Балтии проявилась достаточно рано. В неподписанной записке Русской службы МИД Франции от 14 февраля 1919 г. будущее Прибалтийских республик, лишь недавно провозгласивших независимость, оценивалось пессимистично. Утверждалось, что Россия не смирится с их независимым существованием. При этом подчеркивалось, что и сама Франция заинтересована в сильной России в качестве противовеса Германии. Немецкого господства в Прибалтике было необходимо не допустить любой ценой. Как итог французским властям рекомендовалось гарантировать «балтийским провинциям» «полную внутреннюю автономию со всеми возможными свободами», но одновременно

дать им понять, что, когда Россия будет восстановлена, они должны будут согласиться на установление с нею публично-правовых уз (армия, флот, дипломатия, торговля)¹⁹.

Однако размышления о будущем соседствовали у французских дипломатов и военных с необходимостью решать острые насущные задачи и не допустить распространения в Прибалтике советского и/или германского влияния. Вспоминая о ситуации весны – лета 1919 г., когда на территории бывших «балтийских провинций» активно действовали немецкие войска под командованием генерал-майора Р. фон дер Гольца, глава французской военной миссии в Берлине генерал Ш. Дюпон писал о серьезных рисках. Он считал, что правительства стран Антанты вполне могли «проснуться и увидеть Германию, протянувшуюся вплоть до Петрограда»²⁰. В декабре 1919 г., на заседаниях Парижской мирной конференции, французский маршал Ф. Фош убеждал руководство стран Антанты в необходимости сформировать «в балтийских провинциях барьер против большевиков» и создать объединение, «в котором примут участие литовцы, латыши, а также эстонцы...»²¹.

Подобная логика сохранилась и позднее, выразившись во французской поддержке планов по формированию так называемого Большого балтийского союза – коалиции во главе с Варшавой, в которую бы вошли Финляндия, Эстония и Латвия (речь при этом шла, скорее, о консультативном пакте, а не о полноценном военно-политическом альянсе). Чем более прочными представляли советско-германские отношения, тем больше Париж стремился цементировать «санитарный кордон». Заключение Рапалльского договора 16 апреля 1922 г., во время Генуэзской конферен-

¹⁹ Цит. по: *Бодров А.В.* Прибалтийский фланг «санитарного кордона». С. 212.

²⁰ Цит. по: *Lahaie O.* Face à l'Allemagne vaincue, les services de renseignement français (novembre 1918 – avril 1919) // *Revue historique des armées*. 2008. № 251. P. 67.

²¹ Notes of a Meeting of the Heads of Delegations, 29 December 1919 // *Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference 1919. Vol. 9. Washington, 1946. P. 695.*

ции, стало шоком для французской дипломатии и военных, которые были уверены в том, что соглашение якобы содержит секретные военные статьи. Помимо активизации планов по оккупации Рура Париж усилил попытки консолидировать вокруг себя антисоветски и антигермански настроенные силы.

В конце 20-х чисел апреля начальник Генштаба французской армии, генерал Э. Бюа записал в своем дневнике:

...необходимо любой ценой объединить в один пучок все народы, имеющие те же интересы, что и мы. Речь идет обо всех участниках Малой Антанты (Чехословакия, Румыния, Королевство сербов, хорватов и словенцев. – *И.М.*) и, если возможно, – о балтийских государствах²².

В Париже знали о том, что подобные планы вызывают резкое неприятие Москвы. В августе 1922 г. французский посланник в Польше Г. де Панафье, анализируя недавний визит в эту страну заместителя наркома по иностранным делам РСФСР М.М. Литвинова, сообщил в Париж о том, что франко-польский альянс вызывает у советского дипломата «столько же беспокойства, как и согласие Польши с балтийскими странами»²³.

Сочетание наступательных и оборонительных мотивов по-своему было характерно и для советской политики в странах Балтии. В условиях слабости своих военных, дипломатических и торгово-экономических позиций Москва была заинтересована в нормализации отношений с Прибалтийскими республиками и даже была готова идти им на уступки. Об этом свидетельствовал Тартуский мирный договор с Эстонией от 2 февраля 1920 г. Однако подписанные через несколько месяцев (12 июля и 11 августа) мирные договоры с Литвой и Латвией свидетельствовали уже о возросшей уверенности советского руководства в условиях наступления РККА на Запад в ходе советско-польской войны. Так, соглашение с Литвой содержало

тайное приложение, предусматривавшее использование литовской территории советскими войсками в случае «военно-стратегической» необходимости при ведении военных действий против Польши²⁴.

Таким образом, страны Балтии являлись для Москвы либо «защитным экраном» в условиях слабости Советской России, либо внешнеполитическим и революционным «мостом» на Запад, в направлении Германии, в случае реализации наступательной стратегии.

Советская дипломатия, рассчитывавшая в условиях НЭПа на хотя бы частичную нормализацию отношений с ведущими странами Запада, пыталась успокоить страны Балтии, не допустив их консолидации на антисоветской основе. Эти процессы воспринимались в Москве особенно болезненно в виду возможной поддержке такой «коалиции» со стороны Великобритании и Франции. Так, в решении от 21 июня 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) стремилось приостановить революционную активность в Прибалтике. В нем со ссылкой на «особенности международного положения РСФСР в настоящих условиях» подчеркивалась:

Ц.К. просит коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы проявлять наибольшую осмотрительность как во внешней, так и во внутренней политике, приняв во внимание указание ЦК РКП о том, что в настоящий момент не может быть и речи о военной помощи им со стороны РСФСР²⁵.

²² Journal du général Buat, 1914–1923. Paris, 2015. P. 1202.

²³ Panafieu à Paris, 5 août 1922 // DDF. 1922. Vol. 2. Bruxelles, 2008. P. 133.

²⁴ Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы. С. 36.

²⁵ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 83.

Накануне Генуэзской конференции НКВД за счет частичного сближения со странами Балтии надеялся ослабить процесс их вхождения в польскую орбиту (Польша, в свою очередь, воспринималась как «марионетка» Франции и Великобритании). Ответом на сплочение Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии по итогам Варшавской конференции этих стран (13–17 марта 1922 г.) стало поддержка Москвой проведения в Риге совещания представителей РСФСР, Польши, Латвии и Эстонии. Оно состоялось 29–30 марта 1922 г. и зафиксировало определенное снижение напряженности в отношениях стран-участниц. В заключительном протоколе встречи констатировалось желание «жить в добрых отношениях и разрешать спорные вопросы мирным путем», необходимость сокращения вооружений и даже готовность к «согласованию действий их представителей» в Генуе при обсуждении экономического урегулирования в Восточной Европе²⁶.

Однако пределы подобной нормализации отношений Советской России и стран Балтии – особенно в условиях «рапалльской политики» – были очевидны. Об этом, среди прочего, говорила неудача Московской конференции по сокращению вооружений и военных расходов (2–12 декабря 1922 г.), собравшая представителей Советской России и стран-лимитрофов. Отказ польской стороны, которой удалось консолидировать вокруг своей позиции представителей Эстонии и Латвии, от предложенного НКВД уровня сокращения армии (не более 215 тыс. чел.), привел к срыву конференции²⁷.

Вместе с тем из внешнеполитического арсенала Москвы не исчезала и революционная опция. Она продолжала всерьез рассматриваться в Кремле даже в условиях «полосы признания» СССР. Важную роль играла и внутривнутриполитическая обстановка в Прибалтийских республиках, а точнее – характер ее оценки в Кремле. Так, искаженная информация о подготовке в Эстонии фашистского переворота и о широком распространении настроений в пользу объединения с СССР, поступившая от ИНО ОГПУ 8 августа 1924 г., стимулировала Политбюро «придать деятельности эстонской компартии боевой характер»²⁸. Фактически речь шла о начале подготовки восстания, центром которого должен был стать Ревель (Таллин). Несмотря на то, что 29–30 ноября Москва экстренно попыталась приостановить выступление, оно все же вспыхнуло 1 декабря, но было подавлено в течение нескольких дней²⁹.

Страны Балтии как база для разведывательной и подрывной деятельности Франции против Советской России

Если использовать терминологию времен «холодной войны», то «санитарный кордон», предполагавший сдерживание коммунизма, не исключал применения и более агрессивных методов по его отбрасыванию. С одной стороны, географическая близость стран Балтии к Советской России была, с точки зрения французской дипломатии, фактором их уязвимости. Однако, с другой стороны, это же обстоятельство имело определенные выгоды для Парижа. В случае советско-французской враждебности Прибалтийские республики представляли собой хороший наблюдательный пункт для дипломатов и разведчиков Третьей Республики или даже плацдарм для подрывных операций против большевиков. В случае же попыток наведения

²⁶ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 5. М., 1961. С. 173–175.

²⁷ Литвинов – Чичерину, 11 декабря 1922 г. // ДВП СССР. Т. 6. М., 1962. С. 58.

²⁸ Из протокола № 20, 28 августа 1924 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 51.

²⁹ Валге Я. Подготовка Советским Союзом государственного переворота в Эстонии в 1924 г. // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 183–201.

«мостов» они могли стать «трамплином» для французских бизнесменов, желавших торговать с большевиками или получить концессии³⁰.

Схожая стратегическая «рамка» оценок была характерна и для Москвы, однако их содержание было противоположным. Советское руководство с повышенной настороженностью относилось к французской разведывательной активности в странах Балтии и надеялось, что возможная нормализация отношений с ними приведет хотя бы к некоторому сокращению британского и французского влияния.

Отсутствие официальных отношений с Москвой резко осложняло для французской стороны получение проверенных сведений о положении дел в стране Советов. Этот момент, как и роль балтийских стран в качестве наблюдательных пунктов, был схвачен в записке от 11 июня 1923 г., которую французский военный министр А. Мажино направил председателю Совета министров Р. Пуанкаре. Министр призывал не ликвидировать французскую военную миссию в странах Балтии из-за резонов бюджетной экономии. Единая миссия существовала с лета 1920 г., объединив три отдельных военных миссии, функционировавших с весны 1919 г.³¹ Мажино видел в ней «один из редких и наилучших источников информации» о России, которая «по-прежнему остается непроницаемой». Военный министр считал, что «крайне важные разведывательные сведения», поступающие от этой миссии, «не могут быть получены исключительно военным атташе», который не должен был прибегать к откровенным шпионским методам³².

В Москве были осведомлены об активности иностранных разведок в странах Балтии и Скандинавии, однако имелась информация и о других фактах, а именно – об утечках информации из советских представительств. Так, в ноябре 1924 г. секретарь полпредства СССР в Швеции Симаковский сообщал о том, что

прошлым летом здесь была обнаружена передача американцам одного из секретных циркуляров Торгпредства... посредником являлся кассир торгпредства Экваль³³.

В кругах «белой» эмиграции ходили материалы, которые рассматривались как секретные документы НКВД³⁴. В октябре 1921 г. дипломат-эмигрант С.Д. Боткин даже писал старейшине русского дипломатического корпуса за границей М.Н. Гирсу о

легкой подкупности большевистских служащих, из которых многие, работая с большевиками лишь в силу горькой необходимости, даже сочли бы патриотичным актом подвести советское Правительство...³⁵

Особенное внимание французская разведка и дипломатия уделяли проявлениям советско-германского взаимодействия через территорию стран Балтии. Так, в конце 1921 г. серьезное недовольство Союзной комиссии по разоружению германской армии во главе с французским генералом Ш. Нолле вызвал факт отправки немцами в Советскую Россию крупной партии вооружений (76 ед. 75-мм пушек, 5 тыс. снарядов, 10 тыс. ружей и др.). В ночь с 1 на 2 декабря 1921 г. вооружения на

³⁰ Padovani à Poincaré, 19 mai 1923 // Archives du Ministère des Affaires étrangères (AMAE). Correspondence politique et commerciale. Série Z-Europe, 1918–1940 (117 CPCOM). Vol. 352. Fol. 16.

³¹ Gueslin J. La France et les «petits États» baltes. P. 65.

³² DDF. 1923. T. 1. Paris, 2010. P. 657.

³³ Записка Симаковского Сталину, 25 ноября 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1364. Л. 1.

³⁴ Циркулярное письмо НКВД, 21 сентября 1921 г. // В жерновах революции. Русская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. Сб. документов и материалов. М., 2008. С. 107–109.

³⁵ Боткин – Гирсу, 2/15 октября 1921 г. // В жерновах революции. С. 110.

пароходе «Карл Маркс» были отправлены из Пиллау (ныне Балтийск) в Таллин для последующей доставки в Советскую Россию³⁶. Примечательными были и те разведывательные сведения, которые в марте 1921 г. добыл член французской военной миссии, действовавший в Литве, капитан Жонкьер. От некоей «германо-русской организации, работающей в большевистской России», он получил список тех разведсведений, которые немецкое военное командование само хотело получить в отношении Советской России. Этот документ служил для Парижа дополнительным индикатором сохранявшегося советско-германского сотрудничества в военной сфере, не лишённого, однако, элементов соперничества³⁷.

Особое внимание в качестве центра получения информации о Советской России уделялось Риге. 29 января 1923 г., после встречи с французским посланником в Латвии Д. де Мартелем, Бюа отметил, что, располагаясь в этом городе, Мартель «занимает удобное положение, дабы наблюдать за тем, что происходит в России»³⁸. Вместе с тем французский посланник в Таллине Л.М. де Вьен также считал получение информации по «русскому вопросу» одной из ключевых задач во время своего пребывания в Эстонии³⁹. Оценки де Вьена отчасти пересекались с информацией советской разведки. Берлинская резидентура Иностранного отдела (ИНО) ГПУ в докладе от 10 июля 1923 г. полагала, что

связь Парижа с Россией поддерживается через Польшу и Румынию главным образом и частично через Эстонию. Франц[узские] воен[ные] круги находятся в полном контакте с русск[ими] воен[ными] кругами (имелись в виду представители «белой» эмиграции. – *И.М.*)⁴⁰.

Советская разведка осознавала французскую обеспокоенность по поводу связей СССР и Германии, как и то обстоятельство, что страны Балтии, занимавшиеся «промежуточное» положение между ними, являются для Парижа площадкой для получения сведений о действиях в Москве, и Берлина. Так, в феврале 1922 г. резидент ИНО ВЧК сообщал из Таллина о некоем П. Миллере, охарактеризованном как «советский дипломатический курьер», посещавший порты Балтийского моря в Германии:

Миллер служит вместе с тем разведывательным агентом французов против Германии. Необходимо установить его биографию и деятельность⁴¹.

Однако дело не ограничивалось лишь разведкой как таковой. Периодически во французских военных кругах достаточно серьезно обсуждались возможности организовать, опираясь на базы в Эстонии, Латвии и Финляндии, подрывные операции против Советской России. Официальные французские представительства могли обеспечить прикрытие подобным операциям, а также облегчить их снабжение военными материалами, деньгами, документами и т. д. Основная роль отводилась при этом предполагаемым внутренним восстаниям в стране Советов, которые, как считалось, можно было ускорить или подкрепить за счет действий «белой» эмиграции.

Казалось, что Кронштадское восстание (28 февраля – 18 марта 1921 г.) дало Франции шанс поспособствовать свержению большевиков:

³⁶ Nollet à Foch, 23 décembre 1921 // Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT), 4N 79.

³⁷ Note de Jonquieres, 16 mars 1921 // SHD/DAT, 7N 3120.

³⁸ Journal du général Buat. P. 1331.

³⁹ De Vienne à Poincaré, 30 mai 1924 // DDF. 1924. Т. 1. Paris, 2013. P. 495.

⁴⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 2. М., 2001. С. 379.

⁴¹ Сводка ИНО ВЧК, 10–12 февраля 1922 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 2. М., 1998. С. 179.

Французское правительство заявило о том, что не будет вмешиваться во внутренние дела России, но выступило с предложением перед британским МИД о поставках кронштадтским повстанцам продовольствия и медикаментов⁴².

В ноте от 12 марта 1921 г., адресованной турецкому послу Али Фуаду, нарком по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин писал о том, что «французское Правительство является самым непримиримым и самым последовательным нашим врагом, никогда не колебавшимся и не отступавшим. [Председатель Совета министров Франции А.] Бриан теперь заявил [бывшему российскому послу во Франции В.А.] Маклакову, что он окажет всяческую помощь кронштадтским мятежникам»⁴³. Даже после подавления восстания штаб Фоша продолжал строить планы по высадке белоэмигрантских десантов в район Петрограда и на Кубань. Он призывал правительство увеличить финансирование наиболее активных антисоветских деятелей (Б.В. Савинкова, А.Ф. Керенского и др.)⁴⁴. В апреле 1921 г. представитель П.Н. Врангеля генерал-лейтенант В.В. Марушевский заверял французскую военную миссию в Венгрии в том, что его шеф является «сторонником интервенции на Кубань или Крым»⁴⁵.

Не оставлял надежд и Керенский. 6 августа 1921 г. он добился встречи с Бюа. Бывший глава Временного правительства считал, что «экспедиции против Советской России» в настоящий момент ни к чему не приведут – необходимо накапливать силы и продолжать деятельность по созданию «баз близ российских границ» (в Финляндии, странах Балтии, Константинополе). Эти базы, намекал Керенский, могут стать опорными точками для оказания поддержки восстаниям внутри Советской России. Керенский просил Бюа помочь с предоставлением вооружений («несколько тысяч ружей, пули, несколько пушек») и других средств (автомобилей), с заброской агентуры в страну Советов. Особые надежды Керенский связывал с деятельностью полковника Ф.Е. Махина в Риге⁴⁶. Еще весной 1921 г. «Махин полагал, что в России, наконец, созревает народное антибольшевистское движение»⁴⁷.

Хотя из подобных планов ничего не вышло, и официальный Париж постепенно разочаровывался в перспективах антибольшевистских восстаний, советская разведка продолжала с настороженностью отслеживать французскую активность в государствах Балтии. Согласно сведениям ИНО ГПУ, в октябре 1923 г. русские монархисты в Белграде продолжали надеяться на то, что

Франция, Польша, Румыния и Прибалтийские страны присоединятся к вооруженной интервенции против советской России⁴⁸.

Лакуны «санитарного кордона»

В советских оценках «санитарный кордон» нередко представал цельной и весьма прочной конструкцией. В феврале 1923 г. главнокомандующий вооруженными силами Республики С.С. Каменев считал, что государства Антанты активно

⁴² Carley M.J. Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939 // The French Defeat of 1940: Reassessments. New York, 2006. P. 173.

⁴³ ДВП СССР. Т. 3. М., 1959. С. 589.

⁴⁴ Барту – Бриан, 18 апреля 1921 г. // Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 2. С. 33–35.

⁴⁵ Попова С.С. «Они готовы возобновить борьбу»: Военное министерство и МИД Франции о белой эмиграции в Венгрии. 1920–1921 гг. // Исторический архив. 1996. № 1. С. 54.

⁴⁶ Journal du général Buat. P. 1066–1067.

⁴⁷ Ганин А.В. «Свой среди чужих и чужой среди своих»: полковник Федор Махин // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожakov русской смуты. М., 2014. С. 42.

⁴⁸ Сводка сообщений, поступивших в ИНО ГПУ, 29 октября 1923 г. // Русская военная эмиграция. Т. 2. С. 225.

занимаются реорганизацией антисоветских «белых» сил, которые при поддержке британского флота могут быть переброшены либо к западным границам СССР, либо быть высажены на Черноморском побережье. Вторжение поддержат, полагал Каменев, все приграничные государства, от Финляндии до Турции⁴⁹.

Однако, с французской точки зрения, ситуация выглядела менее выигрышной для Антанты. Говоря о балтийском фланге «санитарного кордона», особое значение имели польско-литовские территориальные противоречия, затруднявшие создание прочной антигерманской и антисоветской конструкции. Более того, Литва нередко воспринималась в Париже как потенциальный мост между Советской Россией и Германией. Улавливая подобный настрой, советский дипломат А.А. Иоффе отмечал в период переговоров по Рижскому мирному договору 1921 г., что Франция всячески стремилась не допустить наличия общей советско-литовской границы, поддерживая польские требования. Последние удовлетворяли «французской идефикс [*sic*] разлучения нашего с Германией»⁵⁰. Литовские власти, в свою очередь, пытались сыграть на опасениях советских властей относительно «санитарного кордона» и добиться уступок от Москвы. 18 октября 1921 г., в период обсуждения вопроса о Вильно в Лиге Наций, министр иностранных дел Ю. Пурицкис пытался убедить советского полпреда С.И. Аралова в том, что «Франция и отчасти Англия настаивают на соединении Литвы с Польшей против России»⁵¹. Министр надеялся таким образом добиться усиления советского давления на Польшу и оказания поддержки Литве.

Особенно тревожными для Парижа стали события т.н. Клайпедского мятежа в январе 1923 г. – занятие Мемеля (Клайпеды), находившегося под французским управлением (в качестве мандата Лиги Наций), силами «литовских добровольцев». В данной акции непосредственное участие приняли власти Литвы, а военно-техническую поддержку ей оказала Германия. Перестрелки французских частей в городе с «добровольцами» стоили французам людских потерь и вызвали резкое неприятие Парижа, а также Таллина и Риги.

19 января посланник Франции в Эстонии А. Жильбер сообщал, что события в Мемеле были восприняты в Таллине как акция, согласованная с Берлином и имевшая цель укрепить безопасность германо-литовских коммуникаций по линии Кенигсберг – Каунас. Через 10 дней тот же французский дипломат информировал Париж о том, что эстонские власти видят в произошедшем «совместную провокацию Германии и России». Таллин утвердился «в идее о существовании военного российско-германского соглашения и в том, что скоро произойдет конфликт»⁵². Сведения, поступавшие в Париж летом, были менее алармистскими, но в них все также присутствовали опасения относительно советско-литовского взаимодействия. 16 июня 1923 г. Г. Падовани, французский дипломатический представитель в Каунасе, сообщил о том, что Литва стремится сыграть

в пользу России, когда наступит подходящий момент. В настоящее время позиция Литвы, как минимум, способствует сохранению в этой части Европы состояния неопределенности⁵³.

В Москве литовские события воспринимали в более широком международном контексте. Многие в Кремле считали, что оккупация Рурского угольного бассейна франко-бельгийскими войсками в январе 1923 г. может привести к обще-

⁴⁹ Harris J. Encircled by Enemies: Stalin's Perceptions of the Capitalist World, 1918–1941 // *Journal of Strategic Studies*. 2007. Vol. 30. № 3. P. 517–518.

⁵⁰ Цит. по: Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы. С. 59.

⁵¹ ДВП СССР. Т. 4. М., 1960. С. 432.

⁵² DDF. 1923. Т. 1. P. 134, 144.

⁵³ Ibid. P. 682–683.

ропейской войне в случае удара Польши по Германии. Выражая подобную точку зрения в письме редакторам «Правды» и «Известий ВЦИК» от 18 января, нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий подчеркивал: мы

рассчитываем на сохранение мира в Восточной Европе и не сомневаемся, что взвешивание всех факторов и условий побудит к отказу от авантюристических замыслов и наших западных соседей⁵⁴.

Советское руководство, отнюдь не исключая того, что польско-германская война все же произойдет, и СССР не сможет остаться в стороне, стремилось использовать территорию стран Балтии (прежде всего Латвии и Литвы) для эвентуального налаживания коммуникаций с Германией. Этот же маршрут вполне мог быть использован для помощи революции в Веймарской Республике, если бы та произошла. 6 февраля 1923 г., во время советско-германских военных переговоров в Москве, делегация от СССР во главе с заместителем Троцкого Э.М. Склянским отмечала:

...мы понимаем значение Литвы в случае войны и вследствие этого поведем соответствующие переговоры с Литвой⁵⁵.

Осенью 1923 г., по мере ухудшения положения Германии и параллельного роста надежд в Москву на революцию в Веймарской Республике («немецкий Октябрь»), советская дипломатия стала активнее прощупывать почву для установления связи с Германией через Латвию и Литву. 24 октября через советского представителя в Берлине В.Л. Коппа в Ригу поступили предложения Москвы. В них речь шла о соблюдении Латвией нейтралитета в случае осложнения ситуации в Германии, об обеспечении свободы коммуникаций через свою территорию для советских грузов невоенного назначения, о предоставлении гарантии взаимного ненападения со стороны СССР и Латвии⁵⁶.

Записка генерального секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина, составленная на заседании Политбюро от 18 октября, передавала не только текущий настрой Кремля, но и нечто большее. Она говорила о том, что Москва продолжала воспринимать Прибалтийские страны как вторичный элемент «санитарного кордона», основу которого составляли Польша и Румыния. Размышляя о тех условиях, которые через несколько дней озвучил Копп, Сталин записал:

Я думаю, что лучше отказаться от зондировки поляков и приняться за зондировку латышей – латышей можно запугать, припереть к стене и пр. С поляками этого не сделать <...> Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румынию купить. А с поляками подождать⁵⁷.

Шаткости «санитарного кордона», которую в октябре 1923 г. надеялся использовать Сталин, способствовали не только противоречия восточноевропейских стран, но и позиция самого Парижа. Симптомы изменения французского подхода к СССР были заметны еще до Рурского кризиса. Французская дипломатия делала намеки на возможность нормализации отношений с большевиками. Наиболее очевидным примером подобного сигнала стал пусть и не имевший официального статуса визит в Советскую Россию, предпринятый в сентябре – октябре 1922 г. круп-

⁵⁴ Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941: Сб. док. Т. 1. М., 2011. С. 97–98.

⁵⁵ Там же. С. 114.

⁵⁶ Информация о советских предложениях была передана литовской дипломатией в Париж. См.: Poincaré à Martel, 29 octobre 1923 // DDF. 1923. Т. 2. Paris, 2013. P. 439.

⁵⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. С. 208.

ным французским политиком, председателем партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио. Именно он, придя к власти в 1924 г., установил официальные отношения с Москвой.

Визит Эррио был с тревогой воспринят в Таллине и Риге и, напротив, – с позитивными эмоциями в Каунасе. 16 октября 1922 г. посланник Эстонии во Франции К.Р. Пуста обеспокоенно интересовался на Кэ д’Орсэ возможностью отправки французской торговой делегации в Москву. Он надеялся, что Париж даст знать большевикам о том, что поддерживает идею пакта о ненападении между РСФСР и лимитрофами⁵⁸. В телеграмме от 14 ноября из Таллина Жильбер напоминал своему руководству о том, что

для эстонцев, так же как для латышей и поляков... франко-российское несогласие фактически является залогом безопасности освобожденных стран, раньше входивших в состав великой России и ныне находящихся под защитой Антанты⁵⁹.

Сигналы о сближении Парижа и Москвы пугали лимитрофов и «будоражили умы»⁶⁰. Даже позже, в мае 1923 г., беседа с Жильбером, глава Эстонии Ю. Кукк продолжал интересоваться у французского посланника тем, изменила ли поездка Эррио позицию французского правительства:

Эстония опасается согласия Франции и России, согласия, которое может привести к резко негативным последствиям для стран-лимитрофов. Я заявил президенту, что политика Франции в отношении России не изменилась, и поездка Эррио никак не повлияла на взгляды правительства Франции⁶¹.

Литовский министр иностранных дел Э. Галванаускас, напротив, говорил Падовани о необходимости для Франции «выбрать между Польшей и Россией», подчеркивая, что Каунас предпочитает последнюю⁶².

Несмотря на все желание создать прочный «санитарный кордон», Франция отнюдь не была готова оказывать масштабную помощь странам Балтии как в мирное, так и в военное время. Осенью 1923 г., в разгар Рурского кризиса, Париж не хотел давать Прибалтийским республикам серьезных обещаний. 29 октября Пуанкаре отреагировал на информацию латвийских властей о поступивших предложениях Коппа. Пуанкаре не привлекала перспектива договоренности между Москвой и Ригой, однако он не собирался идти на поводу у латвийских властей:

...необходимо быть осторожными и не давать советов латвийскому правительству. Оно не преминет использовать эти советы как повод переложить на нас ответственность за отказ, которым они ответят на советские предложения⁶³.

Французские власти были готовы оказать странам Балтии лишь военно-техническую помощь (в случае конфликта) и поддержать их по дипломатическим каналам перед лицом Великобритании и Италии, а также в Лиге Наций, но не более того⁶⁴. Тот факт, что Прибалтийские республики – бывшие территории Российской империи – отказывались выплачивать Франции «свою» часть «царских долгов», отнюдь не добавлял гармонии в их взаимодействие с Парижем⁶⁵. К тому же совет-

⁵⁸ DDF. 1922. T. 2. P. 407.

⁵⁹ Ibid. P. 500.

⁶⁰ Ibid. P. 500.

⁶¹ Gilbert à Poincaré, 15 mai 1923 // AMAE. 117 CPCOM 352. Fol. 13.

⁶² Padovani à Poincaré, 19 mai 1923 // AMAE. 117 CPCOM 352. Fol. 16.

⁶³ Poincaré à Martel, 29 octobre 1923 // DDF. 1923. T. 2. P. 439.

⁶⁴ Poincaré à Saint-Aulaire, 12 novembre 1923 // DDF. 1923. T. 2. P. 524–526.

⁶⁵ Poincaré à Caillaux, 24 mai 1924 // DDF. 1924. T. 1. P. 473–476.

ская сторона была неплохо осведомлена о том, что Великобритания и Франция не только имеют общие интересы в поддержании «санитарного кордона», но и конкурируют друг с другом за влияние в странах Балтии и нередко действуют разрозненно. Уже в декабре 1919 г. в адрес Иоффе, находившегося в Дерпте (Тарту) на переговорах с эстонскими властями, поступали предложения от британцев о сепаратных (без участия Франции) переговорах «по балтийским вопросам»⁶⁶.

Выводы

Таким образом, роль стран Балтии в советско-французском взаимодействии 1919–1924 гг. оставалась противоречивой и волатильной. Франция, Советская Россия и сами Прибалтийские республики пытались реализовать такую конфигурацию «треугольника» отношений, которая отвечала именно их интересам. Различные проекции «треугольника» отнюдь не были идентичными, однако в некоторых точках они накладывались друг на друга.

Прибалтийские республики (прежде всего – Латвия и Эстония) рассматривались французским руководством как составная часть «санитарного кордона», призванного отделить Германию и Советскую Россию друг от друга, не допустив их «сговора» в Восточной Европе. Вместе с тем Париж не исключал того, что сотрудничество с будущей (в идеале – уже небольшевистской) Россией, выступающей противовесом Германии, будет для Франции важнее, чем полная независимость стран Балтии.

В отношениях с Прибалтийскими республиками Москва исходила из различных сценариев, которые зависели от текущей международной ситуации, «баланса сил» и советских оценок ситуации внутри государств Балтии. В условиях относительной слабости СССР советская дипломатия, желавшая ослабить «санитарный кордон», была готова на частичную нормализацию отношений с Эстонией, Латвией и особенно Литвой, имевшей серьезные противоречия с Польшей. Вместе с тем в Москве не исключали и более позитивного, с советской точки зрения, сценария развития событий. Страны Балтии могли стать «мостом» для укрепления отношений с Германией и «экспорта» революции на Запад.

Руководители Эстонии и Латвии были заинтересованы в укреплении связей с Францией, однако осознавали двойственность позиции Парижа, а также относительную слабость французских позиций в регионе. Даже осторожные попытки нормализации советско-французских отношений в начале 1920-х гг. вызывали недовольство в Риге и Таллине, хотя и приветствовались в Каунасе. Противоречия между ориентировавшимися на Францию государствами (в том числе между Польшей и Литвой), служили еще одним серьезным фактором непрочности «санитарного кордона», хотя последний предстал в советских оценках весьма солидным.

Все же динамика развития послевоенных международных отношений, а также приоритет «германской угрозы» склонили в итоге руководство Франции к признанию СССР. Соображения «большой политики» оказались важнее голоса «малых стран». Вместе с тем сама конфигурация треугольника «Франция – страны Балтии – СССР» к середине 1920-х гг. не стала устойчивой. Частичная стабилизация обстановки не отменяла тех тенденций международного развития, которые в перспективе могли вновь привести всю конструкцию в движение: ослабление французского влияния, сохранение советско-германских связей, маневрирование Прибалтийских республик в поисках «патрона».

Поступила в редакцию / Submitted: 25.07.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 02.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 10.02.2022

⁶⁶ Иоффе – Чичерину, 25 декабря 1919 г. // ДВП СССР. Т. 2. М., 1958. С. 315.

References

- Åselius, G. “The Naval Theatres in Soviet Grand Strategy during the Interwar Period.” *The Journal of Slavic Military Studies* 13, no. 1 (2000): 68–89.
- Bodrov, A.V. “Pribaltiiskii flang ‘sanitarnogo kordona’.” In Pavlov, A.Ju., ed. Vol. 2 of *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vnesheinei politike Frantsii v 1917–1924 gg.*, 206–288. St. Petersburg: RKhGA Publ., 2021 (in Russian).
- Carley M.J. “Prelude to Defeat: Franco-Soviet Relations, 1919–1939.” In Blatt, J., ed. *The French Defeat of 1940: Reassessments*, 171–202. New York: Berghan Books, 2006.
- Dessberg, F. *Le triangle impossible: les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935)*. Bruxelles: P.I.E. Lang, 2009 (in French).
- Dullin, S. *Uplotnenie granits: k istokam sovetskoi politiki. 1920–1940-e*. Moscow: NLO Publ., 2019 (in Russian).
- Ganin, A.V. “ ‘Svoi sredi chuzhikh i chuzhoi sredi svoikh’: polkovnik Fedor Makhin.” In Posadskii, A.V., ed. *Ot ‘germanskoi’ k Grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov rus-skoi smuty*, 16–59. Moscow: AIRO-XXI Publ., 2014 (in Russian).
- Gueslin, J. *La France et les ‘petits États’ baltes: réalités baltes, perceptions françaises et ordre européen (1920–1932)*. Thèse de doctorat. Université de Paris I, 2004 (in French).
- Hogenhuis-Seliverstoff, A. “La trace ténue d’une alliance ancienne. La France et la Russie, 1920–1922.” *Guerres mondiales et conflits contemporaines*, no. 193 (1999): 117–130 (in French).
- Jeannesson, S. “La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l’URSS (1921–1928).” *Histoire, économie et société*, vol. 19, no. 3 (2000): 411–429 (in French).
- Ken, O.N., and Rupasov, A.I. *Zapadnoe prigranich’e. Politbyuro TsK VKP(b) i otmosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami, 1928–1934 gg.* 2nd ed. Moscow: Algoritm Publ., 2014 (in Russian).
- Lahaie, O. “Face à l’Allemagne vaincue, les services de renseignement français (novembre 1918 – avril 1919).” *Revue historique des armées*, no. 251 (2008): 61–71 (in French).
- Lasterle, Ph. “La rue Royale et la Baltique orientale: l’exemple des pays baltes (1919–1924).” In Bariéty, J. ed., *Bâtir une nouvelle sécurité. La coopération militaire entre la France et les États d’Europe centrale et orientale de 1919 à 1929*, 299–317. Vincennes: SHAT, 2001 (in French).
- Pavlova, M.S. *Litva v politike Varshavy i Moskvyy v 1918–1926 godakh*. Moscow: Aspekt-press Publ., 2016 (in Russian).
- Popova, S.S. “ ‘Oni gotovy vozobnovit’ bor’bu’: Voennoe ministerstvo i MID Frantsii o beloi emigratsii v Vengrii. 1920–1921 gg.” *Istoricheskii arhiv*, no. 1 (1996): 41–70 (in Russian).
- Reynolds, D. *The Long Shadow: The Legacies of the Great War in the Twentieth Century*. New York: Norton, 2014.
- Stoker, D. *Britain, France and the Naval Arms Trade in the Baltic, 1919–1939*. London: Routledge, 2003.
- Valge, Ja. “Podgotovka Sovetskim Soiuzom gosudarstvennogo perevorota v Estonii v 1924 g.” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1 (2015): 183–201 (in Russian).
- White, Ch.A. *British and American Commercial Relations with Soviet Russia, 1918–1924*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1992.

Информация об авторе / Information about the author

Искандэр Эдуардович Магадеев, канд. истор. наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет); 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76; iskander2017@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>

Iskander E. Magadeev, Ph.D. in hist., Associate Professor of the Department of European and American Studies, Moscow State Institute (University) of International Relations (MGIMO University); 76, Vernadskogo Ave., Moscow, 119454, Russia; iskander2017@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6521-2202>